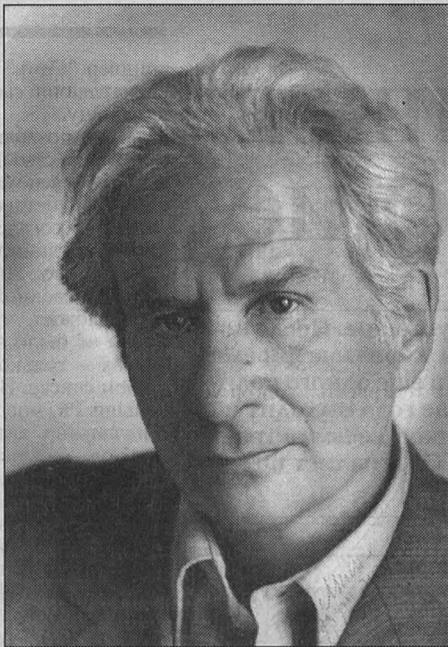

Александр Володин:

“Я такой же,

Сравнительно недавно Александра Володина допрашивали на ТВ. Не ставим допрашивал в кавычки, потому что честным диалогом то, что делает ведущий, не назовешь.

Однако переиграть Володина ему не удалось, как, впрочем, и никому не удается. У Володина свой “звук”, глубину, искренность и гармонию которого чувствуют все и всегда. Несмотря ни на что.

кой, что встречу ее.

— Крр-уу-гом!! — гаркнул он.

— Я понял, что он погонит меня обратно в казарму.

— Я не могу, я обещал ее встретить.

— А ну, стать по команде “смирно!” — заорал он еще громче.

Поодаль стали останавливаться прохожие, мне было неловко, что он так кричит.

— Товарищ капитан, не кричите, гражданские меня очень волновали, то, что они слышат, как он кричит он меня. — Простите, но я все-таки пойду, вы потом меня накажете, любое взыскание, но я все-таки пойду.

Как ни странно, этот случай остался без последствий.

Помню, меня посадили на несколько дней в пустой комнате. Даже не “на губу”. Кормили. Не знали, вероятно, что со мной делать. Потом решили, очевидно, не предавать этот случай огласке.

В следующий раз, когда эта девушка приехала навестить меня, — я ей объяснил в письме, что не смогу встретить ее в Подольске, — она пришла ко мне в казарму. И первое, что у нее спросили на вахте у проходной: боец, к которому вы приехали, он нормальный психически? Очевидно, такое поведение в армии можно было только так объяснить — если я ненормальный, ну, тогда понятно. Какой с ненормального спрос.

— А есть радости в жизни теперь?

— Да, да, конечно. У меня дети живут в Америке. Очень счастливо. Я счастлив их счастьем. Вот главная моя радость. Дети. Однажды я был у них в гостях. Это где-то в Техасе. Я бродил по небольшому городку Сан-Хосе. Там родились такие стихи:

*У девушки на майке “хай!”,
То есть “привет”. А на спине —
“бай”, что по-нашему: “прощай”.
Прошла, на миг став другом мне.*

*А в супермаркете раскрыты —
“зонты для пенья под дождем”.
Забиты вдруг заботы быта,
И не страшит небесный гром.*

*Самоучитель по улыбкам
нам надобен, страна моя.
Пособие, как в мире зыбком
Сразиться с грустью бытия.*

— Здесь, а не в Америке, как вы сражаетесь с грустью бытия?

— Недалеко от моего дома, за углом Большой Пушкинской есть “Рюмочная”. Теперь ее называют “стаканочная”, потому что рюмок там нет и наливают в стаканы. Захожу. Стал в очередь. Передо мной стоит человек. И продавщица, наливая ему, улыбнулась. Ему. Потом подошел я, попросил свои сто грамм, она мне налила и спрашивает: “А закуску?” А я ей отвечаю: “Вашу улыбку”. Потому что мне понравилось, как она улыбнулась. И она улыбнулась мне. И теперь каждый раз, когда я туда прихожу, она спрашивает: “А закуска?” И я отвечаю: “Та же”.

— Вы говорили, что счастливы, в основном, потому что счастливы ваши дети. Они с самого начала их американской жизни были благополучны?

— Нет, конечно. Сначала было очень трудно. Мой старший сын, он математик, программист, но идеи его здесь были перспективны, а там — он просто не сразу нашел то, что его устраивало, зато потом, довольно быстро, стал очень востребован. Сейчас он очень доволен своей работой, которая успешно осуществляется, и это для него самое главное.

— Как вам живется в нынешние времена? Свободнее, чем прежде?

— “Свой возраст, взглядом смеривши ко-сьм, я первую на нем заметил проседь”. Эти строки поэта ко мне уже не относятся. Годы, когда обо всем еще только мечта-лось, сменились годами, когда многое ста-ло уже невозможно.

*Хуже сплю,
больше пью,
женщин реже домой провожаю.*

*Перестал от друзей
возвращаться под утро домой.*

*Что такое со мной?
Что такое со мной?*

Я не знаю.

Я такой же, как был!

Я такой!..

Когда я начал становиться таким? В ар-мии? Нет, совсем нет! Были тогда солдат-ские, родные, единственные друзья. А вот после войны. Нет, друзья появлялись и то-гда вспыхивали вдруг ярко, восхищали, ошеломляли, казалось, вот этот навсегда, такого еще не было! Часто оказывалось — обманы, пустые надежды.

Друзей моей юности нет.

Их годы войны помолоди.

Они — в поле боя и боли,

а я в поле бегал от бед.

Нет, конечно, явились в моей жизни дру-зья, которые остались со мной навсегда, но это уже в более зрелом возрасте. Булат Окуджава, Олег Ефремов, Зяма Гердт, Бо-рис Слуцкий, Миша Львовский, Володя Войнович, Женя Евстигнеев.

Друзья мои, остались только вы.

Рои людей вращаются несметны,

но кажется, среди людей планеты,

друзья мои, остались только вы...

— А театр? Был ли он вашим другом и остался ли им?

— Да! Да! Не могу объяснить, да не могу уже и почувствовать, как я еще в школе полюбил театр. Это было еще тогда, ко-гда: как снег был бел, как реки чисты, как небо в этих реках синие, валютные специа-листы носили доллары в торсины, а по небу аэропланы, а по земле автомобили, а пионеры в барабаны, а диверсантов посади-ли, а ввысь строительные краны, а вглубь большие котлованы, а мы, — чтоб сказку сделать былью, преодолеть про-странство и простор, нам разум дал сталь-ные руки-крылья, а вместо сердца пламен-ный мотор.

— Можете вспомнить что-нибудь занят-ное, связанное с театром?

— Как меня исключали из пионеров! (Связано с театром, сейчас поймете). На центральной площадке летнего пионер-ского лагеря старший пионервожатый произнес искреннюю горячую речь. Он сказал про меня, что этот мальчик Саша повесил у себя над кроватью портрет арти-ста МХАТа Качалова! Какой позор, это же искусство для искусства! Вместо того, чтобы повесить портрет Ворошилова или Буденного, он преклоняется перед арти-стом! Ему не место в рядах пионеров! И под дробь барабанов с меня сняли красный галстук. Еще большее впечатление произ-вело на всех окружающих выступление на-чальника нашего лагеря, человека уже не-молодого.

— Мы таких расстреливали в девятнадца-том году! — истуленно гремел он.

Любовь к театру не прошла. Окончив школу, я все же подал заявление на театро-ведческий факультет, я был уверен, что артистических способностей у меня нет. И — вот это да! — меня приняли! А через ме-сяц пришла повестка в армию. Потом вой-на.

— Как служилось в армии до войны?

— Дедовщины тогда не было. Взамен бы-ло другое. Было узаконено правило: разре-шалось рукоприкладство со стороны ко-мандира за невыполнение приказа, а так же как наказание — гаупвахта. Служили не два года, а три.

Нашу часть разместили в трех километ-рах от Подольска, это недалеко от Моск-вы, в гигантской кирпичной казарме. В первое же воскресенье я получил письмо от моей девушки, она хотела навестить ме-ня и просила, чтобы я ее встретил. Я по-шел. Увольнительных нам еще не давали. (Мы не успели принять присягу). На доро-ге я встретил нашего капитана.

— Товарищ боец, ваша увольнительная, — остановил он меня.

— У меня нет, но я договорился с девуш-

А младший сын, ему было лет шесть, ко-гда старший сын и его жена, приезжая сю-да, подолгу с ним разговаривали и в конце концов увезли с собой. Он там уже закон-чил школу и университет. И разослал свой реферат в разные места для поступления в аспирантуру (он очень сомневался в том, что реферат хорош и может кому-то по-нравиться). Он — в меня, потому что я тоже очень, очень неуверен в себе. Так вот ему, сыну, пришлось сразу несколько приглаше-ний из разных мест. И он выбрал самое, са-мое дальнее от дома, где-то на севере, чуть ли не на границе с Канадой и вот почему. Он всегда увлеклся хоккеем. И выбрал из всех мест, куда его приглашали, то, откуда профессор написал ему, с юмором, что он хоккеист и играет в команде своего города.

Я его спрашивал иногда: “Алешенька, а как у тебя дела с девушками?” “С девочка-ми мне трудно, — говорил он. — С американ-скими девочками дружба не получается. Как-то не находят общие интересы.” А ему уже 24 года. И вдруг он мне сообщает (а он чувствовал, что мне как-то не по се-бе, что у него с девочками трудно): “Папа! У меня есть девочка”. “Кто такая?” Он го-ворит: “Хоккеистка! Но кроме того; она очень красивая и очень умная. Так что те-перь с этим вопросом все в порядке.”

— А какова его основная профессия?

— Он пошел по стопам старшего брата: математика с программисткой, что-то там такое далеко идущее в современной науке.

Вот еще мои попытки обрести радость какую-то, когда это возможно. Стихи эти, наверное, вам известны:

*Отпустите меня, отпустите,
рвы, овраги, гнилая вода,
ссоры, склоки, суды, мордобитья, —
отпустите меня навсегда.*

*Акробатки на слабом канате,
речки, заводи, их берега,
на декорационном закате
нитевидные облака,
мини-юбки, и шубки, и платья,
не пускайте меня, не пускайте!
На Земле подержите пока!*

Или вот еще такое.

*Девушки высокими ногами
возражают против моногамии,
но полуодетые по-летнему
линиями семнацатилетними,
вырезом, открытою спиной
мне напоминают об одной.*

— Чего больше было в жизни — радостей или горестей?

— У меня было так: в молодости меня по-серьезному ничто так особенно не мучило, я был дурак и поступки у меня были какие-то дурацкие, и я не особенно страдал. А дальше... дальше это началось — мучения по разным поводам — и длится все время. Бывает вдруг. Внезапный взрыв! Вот те-перь, когда я приехал на столетие МХАТа, а тут, в Москве, столько близких мне лю-дей и я им близок, и столько было прекрас-ных встреч, объятий, объяснений в любви друг к другу! Как писал Окуджава: “ведь это все любви счастливые моменты...”

— Нарушим хронологическую последо-вательность ваших рассказов. В детстве и юности вы жили в Москве? Это уже после войны вы поселились в Петербурге.

— Я жил в семье моего дяди. Была до-вольно обеспеченная семья, но я постоян-но пребывал в каком-то униженном состо-янии, неполноправном. В школе, в нашем классе, собирали для меня, как для неиму-щего, на ботинки. Тогда были культпохо-ды в кино, на “Чапаева”, например. Денег у

меня не было, я не имел права дома попро-сить, они меня и так, слава богу, кормили. И девочки покупали мне билет, это тоже было унижением. Отсюда неуверенность в себе, она так и осталась со мной на всю жизнь. Иногда такое состояние сказыва-лось как-то иначе, дико, нелепо и странно. Возникал некий бунт, я вдруг взрывался, чтобы самоутвердиться, на спор, напри-мер. Я спорил: во время урока, который нам не нравился, я встану, пройду по клас-су, вылезу в окно и спущусь во двор по по-жарной лестнице. И вот я это делаю!

— Такие “взрывы” бывали у вас и в после-дствии, не только в детстве?

— Да. Да! Был совсем недавно такой слу-чай. Это такой стыд, я это должен расска-зать. В последнее время стали у нас модны различные презентации. По всяким случа-ям. Богатые фирмы устраивают эти пре-зентации. Вечера с закусками, шампан-ским. Приглашают обязательно кого-то из творческой интеллигенции. Мне очень ча-сто звонят и зовут, туда зовут, сюда зовут, а я никогда не любил таких сборищ. Осо-бенно от мыслей, что вот меня позвали, на-кормили, дали выпить, я должен это “оп-равдать”. Однажды, это было давно, с Же-ней Евстигнеевым мне позвали в такую компанию. Мы почему-то пошли. Сели за длинный стол и начались вопросы к нему. Считалось, что он такой простой “свой па-рень”, слухи о нем ходили, что он и пьесе-то не читает, что он на слух их только вос-принимает. Но талант, такой талант. Страшно знаменит!

И вот его спрашивают о том, о сем. Он был очень, очень мудрый, очень умный. Я с ним встречался довольно часто, мы не го-ворили ни о политике, ни о жизни, ни об искусстве почти никогда, но после обще-ния с ним мне становилось все ясно и про политику, и про жизнь, и про искусство. Но тут ему отвечать не хотелось и он все вре-мя молчал. Тогда они ко мне начинают об-ращаться, чтобы я что-то о нем сказал, а я тоже неспособен на эти блиц-ответы. Тог-да мне Женя говорит так тихо своим ме-таллическим баском: “прикроюсь мужес-твенной простотой”, кладет мне салат и мы “прикрылись мужественной простотой”, едим салат и молчим.

Я уже не вижу, кто сидит за столом, мне лишь бы доест этот салат и уйти с Женей. А он мне говорит: “Саня, ты посмотри на том конце стола сидит девушка в синей кофточке, она “все сечет, все сечет”. А я и не вижу девушку в синей кофточке, кото-рая все сечет”. На самом-то деле это он все “сек”, он все видел и все замечал, все, что происходило за столом, да и вообще. Он был очень наблюдателен, у него было осо-бое цепкое видение окружающего, удиви-тельное актерское зрение. Однажды в Одессе Олег Ефремов пробовал на какую-то роль одного за другим актеров. Они подражали ему. Он показывал, как надо было сыграть. Потом играл Женя Евстиг-неев. “Вот, точно! То, что надо!” — воск-ликнул Олег. А Женя говорит: “А можно и по-другому”. И сыграл это же, но иначе. И опять Олег сказал, что очень хорошо, можно принять и этот вариант. К сожален-ию, я не помню, какая была пьеса и что был за эпизод, помню очень талантливый показ Евстигнеева.

Возвращаюсь к тому, что хотел расска-зать о совсем недавнем случае с приглаше-ниями. Я отказываюсь, всем говорю, что не могу. Что у меня жена болеет. И вот звонок из Москвы, женский голос пригла-шает приехать, такого-то числа. У нас бу-дет вечер, я не разобрал, чему посвящен-ный, но вместо того, чтобы ответить спа-сибо, я не могу, я почему-то разозлился, взорвался и заорал: “ну вас к чертовой ма-

Экран и сцена